

ПРОБЛЕМЫ МЕЖОТРАСЛЕВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 129–134
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(2):129–134

Проблемы межотраслевого регулирования юридической деятельности

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-129-134

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Светлана Ивановна Имгрунт

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, sveddy@mail.ru

Аннотация. В современных условиях общественного развития закономерным и неизбежным процессом в механизме правового регулирования становится цифровизация различных сфер социальной жизни. Процессы цифровизации актуализируют роль и значение государственно-правовых институтов современного общества, обеспечивающих нормативно-правовое регулирование социальной жизни, безопасность и стабильность общества. В статье рассмотрены проблемы развития правотворческой и правоприменительной деятельности в условиях цифровизации российской правовой системы. Показывается, что важнейшей правотворческой задачей является создание алгоритма законотворческого процесса в условиях усложнения правового регулирования, его многоаспектности и детализации. В правоприменительной практике использование цифровых технологий, достижений в сфере искусственного интеллекта требуют последовательного правового обеспечения, нормативной регламентации в целях их упорядочивания и предотвращения возможных угроз и рисков в процессе их использования.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, цифровизация, искусственный интеллект, цифровые технологии, цифровые права, правотворческая деятельность, законотворчество, формализация права, правоприменение

Для цитирования: Имгрунт С.И. Правовое регулирование в условиях цифровизации: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 129–134. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-129-134>

Problems of Intersectoral Regulation of Legal Activities

Original article

LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Svetlana I. Imgrunt

Adyghe State University, Maykop, Russia, sveddy@mail.ru

Abstract. In modern conditions of social development, digitalization of various spheres of social life becomes a natural and inevitable process in the mechanism of legal regulation. The processes of digitalization actualize the role and importance of state-legal institutions of modern society, providing legal regulation of social life, security and stability of society. The article deals with the problems of the development of law-making and law enforcement activities in the conditions of digitalization of

the Russian legal system. It is shown that the most important law-making task is to create an algorithm for the law-making process in conditions of increasing complexity of legal regulation, its multidimensional nature and detail. In law enforcement practice, the use of digital technologies, achievements in the field of artificial intelligence require consistent legal support, regulatory regulation in order to streamline them and prevent possible threats and risks in the process of their use.

Keywords: law, legal regulation, digitalization, artificial intelligence, digital technologies, digital rights, law-making activity, lawmaking, formalization of law, law enforcement.

For citation: Imgrunt S. I. Legal regulation in the context of digitalization: problems and prospects. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):129–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-129-134>

В качестве одной из значимых тенденций развития современного мира выступает цифровизация общественных отношений, которая, в свою очередь, оказывает существенное воздействие на правовые процессы. Цифровизация и компьютеризация в настоящее время осуществляются настолько стремительными темпами, что ряд исследователей даже приходят к выводу о формировании новой социальной реальности, включающей и правовые аспекты общественной жизнедеятельности. В специальных исследованиях отмечается, что следствием процессов цифровизации могут стать изменения самого образа права, а также его регулятивной роли, границ и пределов действия. На современном этапе цифровой трансформации могут произойти изменения в так называемых формальных аспектах права: речь идет о расширении направлений регулирующего воздействия права и образовании новых форм рассматриваемого воздействия. По мнению исследователей, сама сущность права не претерпит сколько-нибудь существенных изменений в ближайшее время: право продолжит выступать в качестве основополагающего регулятора жизнедеятельности общества [1, с. 9-10]. Однако, содержание права, а также его форма будут меняться, что уже происходит в настоящее время: так, влияние цифровых технологий находит отражение в правотворческой деятельности.

Право в настоящее время фактически находится перед вызовами новой цифровой реальности [2, с. 5-16]. Данное обстоятельство обуславливает необходимость анализа различных аспектов цифровизации в правовой сфере российского общества. Дело в том, что позитивные общественные изменения, связанные с процессами цифровизации, объективно сопровождаются большим количеством разнообразных рисков, что предусматривает необходимость разработки стратегии эффективного развития регулятивного правового механизма с целью упорядочения различных отношений в обществе в условиях новой цифровой реальности. Последняя предъявляет высокие требования к юридической науке и практике, включающие те или иные компоненты системы нормативно-правового регулирования разных сфер жизнедеятельности общества на базе использования современных цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Цифровые технологии фактически находят активное применение практически во всех сферах жизнедеятельности, что обуславливает необходимость проведения коренных преобразований в системе правового регулирования. На современном этапе развития правовой системы происходит становление нового права или «права второго модерна», основным предназначением которого как раз и выступает эффективное регулирование отношений экономического, политического и социального характера, возникающих в области применения новейших систем робототехники, искусственного интеллекта и цифровых технологий [3].

Если говорить о конкретных юридических последствиях процессов цифровизации, то к числу наиболее значимых из них целесообразно относить генезис цифровых прав личности, к разновидностям которых можно отнести право на получение доступа, применения, разработки и распространения различных произведений, выполненных в цифровом формате, а также право использовать электронные устройства, компьютеры в тех или иных целях, иметь доступ к различным коммуникационным сетям и т.д. Здесь следует

солидаризироваться с позицией многих представителей российского юридического сообщества, констатирующих значительное отставание действующего законодательства в информационно-коммуникационной сфере от объективных общественных потребностей.

Так, В. Д. Зорькин считает необходимой проведение масштабной работы, связанной с систематизацией информационного законодательства, устранением имеющихся в нем повторов, упорядочением соответствующего понятийно-категориального аппарата. В условиях широкомасштабного внедрения новых цифровых технологий в праве происходят значительные изменения, что проявляется, в частности, в трансформации самого предмета правового регулирования, однако это не имеет следствием сколько-нибудь серьезные изменения социального характера права, его роли как основополагающего регулятора отношений, возникающих в условиях современного, стремительно развивающегося общества.

Однако право при этом наполняется новым содержанием, что находит отражение, прежде всего, в отраслевом законодательстве, характеризующемся наиболее активным, динамичным развитием. Речь здесь идет и о трудовом, и о гражданском, а также административном, экологическом и других отраслях российского права. В то же время, несмотря на достаточно высокий уровень развития отечественного отраслевого законодательства, оно, тем не менее, объективно нуждается в модернизации, призванной облегчить и упорядочить различные аспекты взаимодействий граждан и юридических лиц посредством современных электронных технологий [4, с. 25].

Необходимо отметить, что в течение последних лет в Российской Федерации был принят ряд нормативно-правовых актов общего характера, создающих базу для цифровизации. К числу наиболее важных из них можно отнести разработанную еще в 2017 г. Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы¹, Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года², государственную программу «Информационное общество»³ и ряд других.

Принятие указанных нормативно-правовых актов создает необходимые предпосылки для внедрения современных цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности. Однако в рамках данного процесса возникают объективные сложности, связанные, в том числе, с нормативно-технической документацией, которая, как отмечается в специальных исследованиях, также нуждается в системной модернизации. Одной из характерных тенденций развития современного зарубежного законодательства выступает юридическое оформление технических норм, принятие актов о правовом регулировании в области робототехники. Основная проблема заключается в том, чтобы встроить эти новые правовые акты в систему правового регулирования [4, с. 26]. В данной ситуации необходимо учитывать то обстоятельство, что вследствие развития цифровых технологий происходят изменения во взаимодействии людей с новыми техническими устройствами: если раньше все действия и решения осуществлялись конкретными людьми, то теперь часть действий могут реализовываться роботами либо самостоятельно, либо под контролем компетентных специалистов.

Отсюда проистекает вопрос, связанный с ответственностью за совершенные ошибки или противоправные деяния. В специальных исследованиях, в частности, предлагается ввести практику разделенной ответственности, предусматривающую ответственность конкретных лиц за тот ущерб, который возникает вследствие тех или иных действий, совершенных роботами (речь может идти как об ответственности программиста, который осуществляет разработку программы работы электронного устройства, так и оператора, который реализуют непосредственную эксплуатацию данного устройства, а также,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

² Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // СЗ РФ. 2014. № 18. Ст. 2159.

возможно, должностного лица или работника, который отвечает за рассматриваемый участок работы). Ряд исследователей полагают, что в настоящее дело фактически происходит появление новых субъектов права в виде тех же роботов, выступающих в качестве новой «цифровой личности», существующей наряду с человеком [5, с. 9]. Совершенно очевидно, что решение данных юридических вопросов должно осуществляться постепенно, а сами граждане и должностные лица должны адаптироваться к условиям цифровизации, создающей фактически новое информационно-правовое пространство, характеризующееся большими объемами информации и сопровождающееся существенными рисками.

Мы солидарны с позицией, согласно которой цифровизацию нельзя рассматривать в качестве панацеи или действенного средства, которое якобы может способствовать устранению всех дефектов, характерных для отечественной правовой системы, решению различных проблем социального характера. Цифровизация позволяет оптимизировать систему правового регулирования посредством применения новейших цифровых технологий, систем искусственного интеллекта [6, с. 7]. При этом нужно учитывать тот элемент неопределенности, который может возникнуть в том случае, если развитие цифрового пространства начнет развиваться на неконтролируемой основе.

Несколько лет назад широкий общественный резонанс вызвало заявление председателя правления Сбербанка, в соответствии с которым «нейронная сетка» в состоянии осуществлять подготовку исковых заявлений гораздо качественнее профессиональных юристов (как известно, за этим последовало сокращение нескольких сотен юристов, ответственных за составление данных заявлений). Данное решение выглядит неоднозначным, поскольку, с одной стороны, посредством использования интеллектуальной платформы действительно может быть осуществлена подготовка шаблонных заявлений, однако, с другой стороны, юристам-профессионалам в подавляющем большинстве случаев приходится иметь дело с особыми ситуациями, характеризующимися персонифицированностью, различными индивидуальными особенностями и сложными обстоятельствами, в существовании которых робот не в состоянии разобраться по объективным причинам.

В исследованиях, посвященных цифровизации российской правовой системы, отмечается, что широкомасштабное применение новейших цифровых технологий в различных видах юридической практики способствует автоматизации тех правовых процедур, которые в прошлом могли осуществляться только конкретными субъектами права, требуя их непосредственного участия во всех этих процессах. Однако на этом основании некоторыми исследователями делаются весьма спорные заключения, в соответствии с которыми цифровизация может способствовать радикальным преобразованиям правовой системы, например, иметь неизбежным следствием внедрение системы электронного правосудия, предусматривающего замену судей роботами, якобы способными принимать взвешенные решения по типичным делам [7, с. 7]. Последнее утверждение выглядит отнюдь не бесспорным, с точки зрения авторитетных представителей судейского сообщества нецелесообразно доверять рассмотрение даже типичных дел так называемому «судье-автомату».

В области судопроизводства большую роль играет усмотрение судьи по конкретному делу, которое выступает в качестве результата сложной мыслительной деятельности судьи-человека. Здесь в идеале должно приниматься наиболее оптимальное, взвешенное решение, выработанное с учетом разнообразных альтернатив, которые предусмотрены нормами действующего законодательства. Такого рода мыслительная деятельность не может осуществляться электронным устройством или судьей-роботом, вследствие чего из системы электронного правосудия будет неизбежно устранен такой важный его компонент как судебное усмотрение.

Электронному устройству, каким бы совершенным оно бы не было, нельзя доверять полномочия, связанные с вынесением юридически значимых решений, совершением действий, от которых зависит судьба конкретных людей. При решении дел судья обязан руководствоваться не только нормами действующего законодательства, которые могут быть загружены в электронные базы данных, но и учитывать различные обстоятельства

конкретных дел, руководствуясь при вынесении решений не только правовыми, но и моральными принципами.

С помощью цифровых технологий могут с высокой степенью эффективности осуществляться так называемые типовые стандартизированные процедуры, включающие систематизацию документов, их предварительную подготовку. Указанные документы могут впоследствии использоваться конкретным правоприменителем с целью анализа тех или иных конфликтных ситуаций и принятия наиболее оптимального решения. На данное обстоятельство обращает внимание и В.Д. Зорькин, в соответствии с выводом которого посредством использования цифровых технологий можно добиться значительного повышения качества правоприменительной деятельности, реализуемой органами исполнительной власти [3]. Те информационные новшества, которые в течение последних лет активно внедрялись в деятельность различных органов государственной власти, безусловно, являются очень полезными и способствуют росту эффективности деятельности данных органов. Так в сфере судопроизводства появились такие инновации как подача исковых заявлений в суд с их последующей регистрацией, движение дел между различными судебными инстанциями, осуществляемое в электронном формате, дистанционные формы проведения судебных заседаний, использование различных мессенджеров или электронной почты с целью отправления лицам, принимающих участие в судебных процессах, соответствующих уведомлений.

Рассматриваемые цифровые технологии, с нашей точки зрения, могут использоваться в юридической практике в качестве вспомогательного средства, что не предусматривает сколько-нибудь серьезного влияния данных технологий на механизм выработки решений по конкретным делам в системе судопроизводства. Те цифровые средства, которые в настоящее время уже применяются или будут в ближайшее время внедрены в судебную деятельность, должны быть направлены в первую очередь на повышение качества отправления правосудия, однако они не должны иметь следствием возникновение принципиально иной системы судопроизводства, так называемого электронного правосудия. Применение искусственного интеллекта в области правосудия и других сферах правоприменительной деятельности не может стать равноценной заменой представителям профессионального юридического сообщества, призванных руководствоваться, в том числе, внутренним убеждением. Именно поэтому в основе юридической практики находятся именно человеческие навыки.

Список источников

1. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина; под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. 234 с.
2. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
3. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского юридического форума // Российская газета – Столичный выпуск. № 115 (7578). 29.05.2018.
4. Тихомиров Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая трансформация // Право. Журнал высшей экономики. 2021. № 2. С. 4–23.
5. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
6. Тонков Е. Цифровизация права: проблемы и перспективы // Вестник судейского сообщества Белгородской области. 2019. № 10. С. 6–9.
7. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5–13.

References

1. *Digitalization of lawmaking: search for new solutions*: monograph. D. A. Pashentsev, M.V. Zaloilo, O.A. Ivanyuk, A.A. Golovin; under the general editorship of D. A. Pashentsev. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation: INFRA-M; 2019. 234 p. (In Russ.)
2. Khabrieva T. Ya. Law before the challenges of digital reality. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2018;(9):5–16. (In Russ.)
3. Zorkin V.D. Law in the digital world. Reflection on the sidelines of the St. Petersburg Legal Forum. *Rossiiskaya gazeta – Stolichnyi vypusk = Russian newspaper – Stolichny issue*. No. 115 (7578). 29.05.2018. (In Russ.)
4. Tikhomirov Yu. A., Kichigin N. V., Tsomartova F. V., Balkhaeva S. B. Law and digital transformation. *Pravo. Zhurnal vysshei ekonomiki = Right. Journal of Higher Economics*. 2021;(2):4–23. (In Russ.)
5. Talapina E. V. Law and digitalization: new challenges and prospects. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2018;(2):5–17. (In Russ.)
6. Tonkov E. Digitalization of law: problems and prospects. *Vestnik sudeiskogo soobshchestva Belgorodskoi oblasti = Bulletin of the judicial community of the Belgorod region*. 2019;(10):6–9.
7. Pashentsev D. A. The Russian legislative tradition before the challenge of digitalization. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2019;(2):5–13. (In Russ.)

Информация об авторе

С. И. Имгрунт – докт. филос. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права и политологии, Адыгейский государственный университет.

Information about the authors

S. I. Imgrunt – Doctor of Philosophy, Associate Professor of Department of Theory and History of State and Law and Political Science, Adyghe State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.05.2022; одобрена после рецензирования 07.06.2022; принята к публикации 08.06.2022.

The article was submitted 22.05.2022; approved after reviewing 07.06.2022; accepted for publication 08.06.2022.